

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

2-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1946

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Рубинштейн Н. — Советская Россия на Генуэзской конференции	3
Дружинин Н., проф. — Социально-политические взгляды П. Д. Киселёва . . .	33
Смирнов П., проф. — Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв.	55
<u>Грацианский Н., проф.</u> — Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты	91
Коган-Бернштейн Ф., проф. — Тракта́т ла Бозе́и о добровольном рабстве . . .	107

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Смирнов И., проф. — К вопросу о суде над Максимом Греком	118
Устюгов Н. — Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в. . .	127
Зинин П. и Киреев Ф. — Богатства Центрального исторического архива Казах- ской ССР	132

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев А. — Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I	135
Ильин М. — Воронин Н. Древнерусские города	142
Дьяконов М. — Райнов Т., проф. — Великие учёные Узбекистана (IX—XI вв) .	144
Библиографические заметки	146

ХРОНИКА

Альтман В. — 125-летие со дня рождения Ф. Энгельса. Сессия отделения истории и философии АН СССР	152
Гриневич К. — Работа кафедры древней истории Томского государственного уни- верситета имени В. В. Куйбышева	156
Е. Ж. — В школе восточных и африканских исследований в Лондоне.	157
Письмо Камилла Блока редактору журнала «Вопросы истории»	158

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД 1147 г. ПРОТИВ СЛАВЯН И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Проф. Н. Грацианский

Христианизация была для немецких феодалов лишь благовидным предлогом для хищений в славянских землях за Лабой. Когда Бернард Клервосский стал проповедывать в 1147 г. крестовый поход в Палестину, саксонские князья отказались последовать его призыву, ссылаясь на то, что они у себя дома ведут войну против язычников. Тогда возникла (неизвестно кем высказанная) мысль облечь в форму крестового похода и борьбу с язычниками-славянами. Бернард Клервосский, который носился с фантастическим планом обращения всех народов в христианство и которому было совершенно неизвестно положение дел за Лабой, с жаром схватился за эту идею и стал её проповедывать со всей силой своего исключительного красноречия. На Франкфуртском сейме 19 марта 1147 г. он обнародовал особое воззвание, в котором приглашал христиан «вооружиться» против язычников-славян, чтобы «или совершенно искоренить их или обратить в христианство». Участникам этого своеобразного крестового похода Бернард обещал такое же «прощение грехов, что и тем, которые направлялись в Иерусалим»¹.

Папа Евгений III в особой булле, обнародованной 11 апреля, подтверждал обращение Бернарда Клервосского, причём в полном согласии с ним предписывал действовать решительно, запрещая «принимать от язычников... деньги и выкупы и позволять за это коснеть в их неверии»². Монахи Цистерцианского ордена, к которому принадлежали клервосский аббат и сам папа, быстро распространили идею крестового похода против язычников не только в Германии, но и в других, соседних странах. Немецкая агрессия облекалась, таким образом, в форму священного предприятия, которое привлекло прежде всего массу хищников из Саксонии. Большую роль в организации похода играли Генрих Лев и Альбрехт Медведь, стремившиеся окончательно поработить силами своеобразных крестоносцев славян за Лабой. В походе принимали также деятельное участие епископы, и прежде всего епископы славянских областей, вынужденные после славянских восстаний конца X и начала XI вв. покинуть свои епархии. Эти епископы, возглавляемые епископом гавельбергским, который назначался папским легатом при крестоносцах³, мечтали вернуть потерянные десятины и иные доходы и земли, когда-то пожалованные им Оттоном I. К походу примкнули также датчане, терпевшие от славянских набегов, и даже французские (бургундские), чешские и польские феодалы.

Крестоносцы решили двинуться на полабских славян двумя армиями: одна должна была идти с Нижней Лабы против ободритов, другая — из Магдебурга против лютичей. Во главе первой армии стояли Генрих Лев, Конрад, герцог бургундский, архиепископ бременский Адальберт, епископ бременский Дитмар и др.⁴. С этой армией должны были соединиться датчане, предводимые обоими своими королями — Свеном и

¹ Bernardi «Epist». 457; у Roczek'a. Cod. dipl. Mor. I, 253.

² Jaffé «Regesta Pont. Rom.». N 6297. prohibentes ut nullus de paganis ipsis... resciam vel etiam redemptionem accipiat, ut eos in sua perfidia remanere permittat.

³ Ibidem, N 6297.

⁴ Ann. Magdeb., SS. XVI, p. 188, a. 1147.

Канутом, которые решили прекратить внутренние усобицы для совместных действий против общих врагов — ободритов¹. Во главе второй армии из светских князей стояли пфальцграфы Фридрих Саксонский, Герман Рейнский, маркграфы Альбрехт Медведь и Конрад Мейсенский, а из духовных князей, помимо папского легата, епископа гавельбергского, — архиепископ Фридрих магдебургский, епископы гальберштадтский, мерзебургский, бранденбургский и мюнстерский, а также Вибальд, аббат корвейский². Последний имел виды на о. Руюну, основывая свои притязания на старинной нелепой версии о том, что почитаемый на острове Святовид — это обожествлённый славянами св. Вит, покровитель Корвейского монастыря, которому когда-то немецкие короли будто бы пожаловали остров³. Только непоколебимая уверенность немцев в успехе могла побудить аббата двинуться за Лабу для того, чтобы не допустить нарушения прав своего монастыря при предполагаемом дележе славянской территории.

О численности двинувшихся против славян армий крестоносцев мы имеем такие данные: в северной армии насчитывалось будто бы 40 тыс. человек, в южной — 60 тыс., в датской — 100 тыс.⁴. Конечно, эти цифры очень преувеличены, но во всяком случае они показывают, что за Лабу двинулись огромные, невиданные до того времени немецко-датские полчища, которые должны были раз навсегда покончить с независимостью славян и их язычеством. Славяне, однако, не пали духом перед лицом такой страшной опасности и вовсе не собирались покоряться немцам. Главным героем обороны от врагов выступил отважный Никлот, князь ободритов. Гельмольд определённо не любит Никлота и не всегда справедлив в своих суждениях о нём, но всё же то, что он сообщает о действиях этого князя, ярко рисует его таланты как полководца. «Услышавши, что в скором времени должно собраться войско для разорения его, — читаем у Гельмольда, — Никлот созвал весь народ свой и начал строить укрепление Добин, дабы было убежищем народу в случае надобности»⁵. Местоположение знаменитого Добина в точности неизвестно⁶. Надумать, что он был воздвигнут на холме, в болотистой местности, у Зверинского озера, и, подобно всем крупным славянским крепостям того времени, был неприступен в летнее время. Никлот, конечно, не «построил» вновь, а лишь привёл в порядок и улучшил бывшие уже укрепления Добина, рассчитывая отсидеться в нём до зимнего времени. Вместе с тем Никлот искал союзников в предстоящей борьбе и обратился к графу голштинскому Адольфу с напоминанием о заключённом с ним соглашении. Хотя Адольф и не сочувствовал крестовому походу, но он, конечно, отказался помогать Никлоту против своего герцога, Генриха Льва, и единственными союзниками князя оказались руяне. Опираясь на союз с воинственными мореходами, Никлот выработал, как показывают дальнейшие

¹ Saxo Gram. Hist. Dan. XIV, p. 675—676.

² Ann. Magdeb., a. 1147, SS. XVI, p. 188. В южной армии были также моравские князья с епископом ольмюцким, ibid. Cp. Jaffe «Reg. Pont. Roman». N 6343. Vind. Prag., a. 1147, SS. XVII, p. 663. К этой же армии должны были присоединиться большие силы польских князей (Ann. Magdeb., a. 1147), имевших целью нападение на Поморье.

³ См. отражение этой версии у Hel m., II, 12, p. 215. См. Wibaldi «Epist», 150 p. 245. Reversi ab expeditione Slavica. См. предполагаемую грамоту Лотаря I от 844 г. в Cod. Rom. I, N 4, II sqq. Cp. Hel m., I, 6, p. 23.

⁴ Ann. Magdeb., a. 1147.

⁵ Hel m., I, 62, p. 122. Audiens igitur Niclotus, quia congregandus esset in brevi exercitus ad destruendum eum convocavit universam gentem suam, et cepit edificare castrum Dubin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis.

⁶ Некоторые считают, что Добин лежал у моря, на берегу Висмарского залива причём придают решающее значение для определения положения этой крепости фразе Саксона Грамматика (XIV, p. 676): Dobinum insigne piratica oppidum. Однако из повествования того же Саксона Грамматика об операциях датчан под Добином следует, что эти операции происходили на значительном расстоянии от берега, вследствие чего датчане, стоявшие под осаждённым городом, не сразу узнали о нападении на их флот руянских мореходов. См. ibidem, p. 677. Danis obsidionem urgentibus eorum classis piratica bello nunciatur oppressa. Hac fama revocati, etc.

бытия, замечательный план обороны. Целым рядом комбинированных мероприятий на суше и на море он задумал уморить крестоносцев голодом и тем сорвать все их захватнические планы. Первой целью Никлота был разгром предполагаемой ближайшей операционной базы крестоносцев в Вагрии. Внезапным налётом с моря Никлот захватил 29 июня Любек и уничтожил стоявшие в его гавани корабли, причём «народ, упившийся большим возлиянием, не смог двинуться со своих постелей и судов, пока враги не окружили их и, подложив огонь, не погубили суда, груженные товарами. И были убиты в этот день до 300 и более мужей»¹. Уничтожив таким образом суда в любекской гавани и предавши пламени город, Никлот послал два отряда всадников, которые прошли всю землю вагров, истребивши и захвативши в плен осевших здесь немецких колонистов. Лишь колонистов из голштинцев, осевших к западу от верхнего течения Травны, славяне почему-то не тронули. Может быть, Никлот хотел посеять раздор между немцами, вкушив подозрение к голштинцам в том, что они действовали заодно со славянами. Если это так, то Никлот блестяще достиг своей цели, так как на голштинцев действительно пало подозрение в измене. По словам Гельмольда², «была в то время у всех речь на устах, что этот злой беспорядок (т. е. истребление колонистов) причинили некоторые из гользатов, по ненависти к пришельцам, которых граф собрал из разных стран для заселения земли. Поэтому одни только гользаты и оказались нетронутыми при общем разорении».

Итак, первым результатом объявленного на Франкфуртском сейме крестового похода против славян были разгром этими последними цветущего немецкого торгового города на Балтийском море и почти полное уничтожение колонистов, с большим трудом собранных для поселения в завоёванной Вагрии из разных областей Германии и Нидерландов. Славяне, повидимому, не понесли потерь при своём смелом набеге и, вернувшись на суда, «отплыли, обременённые пленными людьми и разным имуществом, которые они захватили в земле вагров»³.

Неожиданная диверсия Никлота, естественно, вызвала большой переполох среди немцев, и крестоносная армия поспешила вторгнуться в землю славян, «дабы обуздать их жестокость»⁴. Никлот очистил и разорил территорию своего княжества, по которой должны были проходить крестоносцы, и засел с большим запасом провианта и большими силами в Добине. Немецкие полчища, двинувшиеся против ободритов с Нижней Лабы, повидимому, уже в июле были под Добином. Сюда же поспешили и датчане, флотилия которых пристала к славянскому побережью, повидимому, в Висмарском заливе, неподалёку от Зверинского озера, у которого был расположен Добин. Первыми приплыли юты с их королём Канутом и шлезвигцы с королём Свеном. Потом подошли подчинённые тому же Свену зеландцы и шоненцы⁵. Большая часть датского войска, высадившись на берег, пошла на соединение с саксами под Добин, другая часть осталась на судах для их охраны⁶. Никлоту, засевшему в Добине, оставалось выполнить вторую часть своего искусно задуманного плана обороны, именно перерезать морские коммуникации крестоносцев и нанести удар по датскому флоту, который, повидимому, доставлял продовольствие осаждающим, так как покинутая жителями область ободритов и опустошённая Вагрия не могли кормить крестоносную армию.

¹ Helm., I, 63, p. 123.

² Ibidem, p. 124

³ Ibidem, I, 64, p. 126. ..redierunt ad naves et abierunt onusti de captione hominum et de varia supellectile, quam predati fuerant in terra Wagirozum.

⁴ Ibidem, I, 65, p. 126. ..zelare iniquitatem eorum.

⁵ Saxo Gram., XIV, p. 676. Juti Kanuto duce, Hethbyenses Suenone hostilem occupant portum. Superveniunt extremi Sialandenses ac Scani.

⁶ Ibidem, XIV, p. 676; cp. Helmold, I, 65, p. 126.

К тому же сухими путями сообщения вообще трудно было пользоваться из-за болотистого характера местности¹.

Никлот блестяще разрешил поставленную задачу при помощи руянских мореходов. У Гельмольда мы читаем: «Однажды осаждённые, видя что войско данов действует нерешительно, — ибо они лишь у себя дома вояки, на чужбине же не отличаются мужеством, — сделали неожиданно вылазку, многих из них перебили и положили удобрять землю. Помощь им подать было нельзя, так как между (войсками) лежало озеро»².

Саксон Грамматик сообщает, что руяне решили оказать помощь осаждённым в Добине ободритам нападением на датский флот и не замедлили привести в исполнение своё намерение. При этом Саксон Грамматик довольно подробно описывает морское сражение руян с датчанами, о котором Гельмольд совершенно умалчивает³. Надо полагать, что действия Никлота с суши и руян с моря происходили одновременно и были согласованы: Никлот должен был отвлечь внимание датского войска от кораблей и тем помочь руянам одержать победу. Цель эта была достигнута, и руяне имели на море не меньший успех, чем ободриты на суше. Они напали на подчинённых Свену шоненцев и разбили их флот, которому подчинённые Кануту ютландцы не захотели оказать никакой помощи⁴. К тому же руянам помогло то обстоятельство, что начальник флотилии Свена — епископ рёскильдский Аскер — в самом начале сражения покинул свой военный корабль и укрылся на торговом судне. По словам Саксона Грамматика, «зрелищем постыдного бегства он привёл в смятение тех, кого должен был бы своим примером возбудить к мужеству в битве»⁵. Хотя шоненцы и связали свои суда канатами (чтобы не дать никому возможности последовать благоразумному примеру епископа), но всё же они потерпели полное поражение, причём одни погибли от меча, другие утонули в море⁶. Весь шоненский флот достался победителям, и руяне тем самым удвоили свои силы⁷. Однако у них нехватало людей для обслуживания захваченного флота, и они пошли на хитрость, чтобы ввести в заблуждение напуганных неприятелей, именно: поставили на отбитых судах палатки, в которых якобы находились готовые к бою люди. Вместе с тем, скрывая сравнительную малочисленность своего флота, они по ночам отводили часть судов в море, а по утрам приводили их вновь, чтобы создать впечатление прибытия подкрепления⁸. Всеми этими действиями руяне, очевидно, хотели совсем запугать датчан и принудить их к сдаче. Однако Саксон Грамматик сообщает, что «лукавство их оказалось напрасным»⁹.

Несмотря на то что значительная часть датского флота уцелела, всё же на море господствовали руяне. Снабжение стоявшей под Добиною армии вследствие этого должно было прекратиться, и ей грозил неминуемый голод. Это охладило воинственный пыл крестоносцев, и они стали подумывать об отступлении. Даны, горевшие желанием отомстить Никлоту за поражение, узнав о нападении руян, переменили своё намерение и поспешили к судам¹⁰. Повидимому, они уже не вернулись под До-

¹ Cas. Monast. Petrihus. V. 32, SS. XX. 674.

² Helm., I, 65, p. 126. Una igitur dierum considerantes hii inveniri possent quatenus tenebantur inclusi, quia Danorum exercitus segnius ageret — hii enim domi pugnae foris imbelles sunt facta subita eruptione percusserunt ex eis multos et posuerunt eos crassitudinem terrae. Quibus etiam subveniri non poterat propter interiacens stagnum.

³ Saxo Gram., XIV, p. 676. Rugiani primam obsessis opem inimicae classis oppressione porrigere statuunt, etc.

⁴ Ibidem. Max Scano ...adorti, ferme omnes fuderunt, Jutis iucundam eorum eladem ducentibus, neque socios computantibus, quos duce a se diversos noverat.

⁵ Ibidem, XIV, p. 676.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem. Classem suam abductis caesorum navigiis duplicant.

⁸ Ibidem, p. 677.

⁹ Ibidem. Sed crebro id agentium frustra calliditas fuit.

¹⁰ Ibidem, XIV, p. 677.

и не замедлили отправиться восвояси; что же касается оставшихся под крепостью саксов, то они заговорили о нецелесообразности похода, том, что бессмысленно опустошать землю, которая платила дань немцам. «Разве земля, которую мы опустошаем, — так будто бы говорили саксы, — не наша земля? И народ, с которым мы воюем, разве не наш народ? Зачем же нам быть врагами самим себе и расточителями следующих нам даней? Не проистекают ли от этого убытки для государей наших»¹.

Как видим, немцы поняли всю бессмысленность своего предприятия лишь после того, как славяне дали им жестокий урок, в результате которого оказалось, что вместо ожидаемой лёгкой добычи крестоносным хищникам грозили в славянской земле одни только лишения. Гельмольд сообщает, что саксы «начали медлительно вести войну и облегчать осаду скрытыми перемириями. Ибо каждый раз, как в схватке славяне оказывались побеждёнными, войско воздерживалось преследовать беглецов и не стремилось овладеть крепостью»².

Всё это означает, что в то время, когда Никлот не прекращал производить вылазки из осаждённой крепости, в крестоносном войске стали наблюдаться усталость и даже разложение: оно просто не хотело воевать и жаждало вернуться на родину. При таких условиях князьям ничего не оставалось делать, как заключить с Никлотом мир, условия которого давали бы хоть видимость удовлетворения их притязаний: в противном случае пришлось бы со стыдом возвращаться домой и иметь неприятные объяснения с папой. Гельмольд говорит, что «когда нашим наскучило, согласились на то, чтобы славяне приняли христианскую веру и отпустили бывших у них в плену данов. И вот многие из них крестились притворно, а из пленников отпустили всех старых и неспособных к труду, прочих же, коих возраст делал более пригодными к рабской службе, удержали»³. Так, — с иронией заключает Гельмольд, — большой этот поход разрешился малою пользою. Ибо тотчас же потом (славяне) стали действовать хуже прежнего: ни крещения не признавали, ни воздерживались от ограбления данов»⁴. На Западе неудача похода против ободритов вызвала слухи о том, что немцы, будучи подкуплены славянским золотом, предали датчан, «многие тысяч» которых погибли от славянского меча вследствие этой измены⁵.

Главная (южная) армия крестоносцев собралась, как было условлено, в Магдебурге. В августе она двинулась к Гавельбергу и здесь имела остановку⁶, причём папский легат, епископ гавельбергский, впервые попал тогда в свою епархию. В Гавельберге, повидимому, совещались о дальнейших планах действий. Эти планы шли очень далеко. Как показали последующие события, немецкие хищники имели в виду не столько покорение лютичей соседних с Гавельбергом областей, сколько захват Померанья, в состав которого входила тогда и старая территория лютичей за Пеней. Основное направление всему походу, очевидно, давал Альбрехт Медведь, который хотел расширить силами крестоносцев пределы своей северной марки за Пену и за Одру. Здесь было уже распространено Оттоном Бамбергским христианство, но надо думать, что князья скрывали этот факт от массы крестоносцев, возбуждая их алчность перспективой богатой добычи у язычников, по отношению к которым всё считалось дозволенным. Духовные князья соревновались в своих воинствен-

¹ Helm., I, 65, p. 126.

² Ibidem, p. 127.

³ Ibidem, I, 65, p. 127.

⁴ Ibidem.

⁵ Auct. Gembl., a. 1148, SS. XVI, 392 ...Teutonici accepta pecunia vendiderunt Danos, ceptoque prelo se subtrahentes, multa milia Danorum Sclavorum occiderunt gladio.

⁶ См. грамоту от 18 октября 1157 г. (Forschungen zur deutschen Geschichte. XII, S. 629 ff. Op. Bernhardi W. «Konrad III», 575, n. 35.

ных планах со светскими, причём возглавлявший этих прелатов архиепископ магдебургский мечтал подчинить своей власти независимое поморское епископство и завладеть его обширными доходами в богатом Поморье.

Выше было указано, что аббат корвейский Вибальд имел виды на остров Руюну. Таким образом, двинувшиеся за Лабу немецкие полчища хотели поработить не только полабское, но и поморское славянство, независимо от того, какую веру оно исповедывало. Участие поляков в крестовом походе было вызвано стремлением защитить польские интересы в Поморье, поскольку это последнее долгое время принадлежало Польше и открывало для неё выход к морю. Где присоединилось польское войско к основной армии, неизвестно. Повидимому, это произошло где-нибудь около Одры, может быть, даже под Щетином.

Армия пошла к Поморью той самой дорогой, какой 20 лет назад ехал Оттон Бамбергский. Пройдя с большими трудностями дремучий лес, отделявший область гаволян от области морочан¹, крестоносцы вышли к озеру Морице и оказались на языческой территории, не признававшей ни власти немцев, ни христианства. Жители разбегались, спасая что могли, а крестоносцы опустошали и жгли славянские селения². Был сожжён при этом славянский город Малхон вместе со стоявшим перед его воротами языческим святилищем³. Обозначая свой путь грабежами, поджогами и убийствами, армия направилась к Дымину — городу лютичей на Пене, — но, не доходя до этого города, разделилась: часть армии направилась к Щетину. Под Дымином крестоносцы неожиданно встретили такое же сопротивление славян, как и под Добином. Мы в точности не знаем, что здесь произошло, но по некоторым намёкам можем судить, что на Пене крестоносцев постигла такая же неудача, что и у ободритов под Добином. Гельмольд недаром смешивает события под обеими славянскими твердынями в одно целое повествование о неудаче крестового похода⁴. Есть и другие известия о несогласиях и неудаче крестоносцев под Дымином⁵. Самым ярким показателем этой неудачи является поведение корвейского аббата, быстро распростившегося со своими мечтами о завоевании Руюны и уже 8 сентября вернувшегося из похода. Выражая свою радость по поводу избавления от опасностей в славянской земле, аббат говорит, что поход хотя и оказался безрезультатным, но зато был выполнен «с послушанием»⁶.

Полная неудача постигла и ту армию, которая направилась для действия против Щетина, главного города Поморья. Когда крестоносцы обложили этот город, осаждённые выставили на городских валах кресты в знак того, что они христиане, и тогда среди армии произошло замешательство. Всем стало очевидно, что затеянное предприятие стояло в вопиющем противоречии с идеями, провозглашёнными Бернардом Клервоским и папой, и рядовые крестоносцы поняли, что они одурачены князьями, которые их руками не у язычников, а у христиан хотят захватить новые земли и новые доходы⁷. Тем временем из осаждённого Щетина явилось в лагерь крестоносцев посольство, во главе которого стоял сам епи-

¹ См. письмо Вибальда. Epist. 58, p. 136.

² Ann. Magdeb., a. 1147, SS. XVI, 188. Hi equidem omnes cum maximo apparatu et commeatu et mirabili devotione in diversis partibus terram paganorum ingressi sunt, et tota terra a facie eorum contremuit, et omnia ...vastaverunt, civitates et oppida igni succenderunt.

³ ...fanum etiam cum idolis, quod erat ante civitatem Malchon, cum ipso civitate concremaverunt. Обычно Malchon отождествляют с гор. Малхов, но это отождествление сомнительно.

⁴ Hel m., I, 65, p. 126—127.

⁵ Ann. Palid., a. 1147, SS. XVI, 82.

⁶ Epist. 150, p. 245. Reversi ab expeditione Slavica in nativitate beatae Mariae — quam etsi... non efficaciter, sed tamen obedienter complevimus.

⁷ Vinc. Prag. SS. XVII, 663, a. 1147

скоп поморский. По известию чешского летописца Викентия Пражского, оставившего наиболее подробные сведения о действиях крестоносцев под Щетином, участники посольства спрашивали князей, зачем они пришли к ним с оружием в руках, причём говорили, что если речь идёт «об утверждении веры христианской, то это нужно делать не оружием, а епископской проповедью»¹. Но так как, сообщает дальше чешский летописец, «саксы пришли с таким войском больше для захвата земли, чем для утверждения веры христианской», бывшие в войске епископы поспешили заключить мир с князем Поморья Ратибором и снять осаду города². Конечно, не речи посольства оказали влияние на решение вождей похода, которые заранее знали, против кого они идут: их принудило к отступлению настроение армии, в которой смятение всё увеличивалось и даже начались прямые беспорядки. Согласно одному известию, рыцари, делившие между собою ещё не захваченную добычу, натолкнулись на решительное противодействие крестоносцев из простонародья, которые не пожелали продолжать военных действий против щетинцев и, не слушая своих вождей, в беспорядке покинули лагерь³. При отступлении войско понесло большие потери»⁴.

Таким образом, широко задуманный крестовый поход против славян повсюду с позором провалился, и у современников на этот счёт не оставалось никаких сомнений: все они почти единодушно отмечают полный неуспех похода немцев за Лабу⁵. При этом одни из них объясняют неудачу похода раздорами князей⁶, другие — незнанием неприятельской местности⁷, третьи — тем, что крестоносцы ратовали не за «божье дело»⁸, руководствуясь чисто хищническими побуждениями. В действительности поход сорвался благодаря героическому сопротивлению славян, и самые раздоры князей и разложение в армии начались лишь после того, как немцы неожиданно натолкнулись на сильные славянские крепости, защитники которых дали решительный отпор немецким хищникам. Бедь даже и под Щетином дело решили не кресты, расставленные на городских валах, а грозный вид щетинских укреплений, защищаемых отважным славянским гарнизоном.

По мнению одного из немецких писателей-националистов, В. Гизебрехта, поход 1147 г. всё же не окончился безрезультатно. Хотя, говорит он, немцы и не совершили славных деяний за Лабой и не сумели всю славянскую землю привести к христианству, но всё же «своею военною мощью они навели немалый страх на славян», в дальнейшем оказавший своё действие на их поведение⁹. Но как мог навести страх поход, кончившийся полной неудачей и показавший бессилие немцев подавить славянскую независимость? Не вернее ли думать, что этот поход решительно ослабил влияние немцев за Лабой, посеял здесь не страх к немецким захватчикам, а ещё большее отвращение и ненависть к ним и в то же

¹ Vinc. Prag. SS. XVII, 663, a 1147.

² Ibidem. Sed quia auxones potius pio auferenda eis terra quam pro fide christiana confirmanda tantam moverant militiam episcopi Saxonie hoc audientes cum Ratiboro principe et cum Alberto ...episcopo consilio de his quae ad pacem sunt habito Plurimis amissis militibus una cum principibus suis ad propria redeunt.

³ Ann. Palid., a. 1147, SS. XVI, 82.

⁴ См. примечание 2.

⁵ Otto Freising. «Gesta Fred». I, 41. Qualiter etiam Saxones vicinas... gentes aggressi principibus inter se discordantibus, ad propria remeaverint, a memorianondum excidit. Ann. Palid. a. 1147. SS. XVI, 82. Molimine quod proposuerant infecto. Ann. S. Jac. Leod. a. 1146, SS. XVI, 641. Contra Vindelicos male pugnatum. Ср. ироническое замечание Гельмольда, I, 65, p. 127. Taliter illa grandis expediti cum modico emolumento soluta est.

⁶ Ibidem ...principibus inter se discordantibus...

⁷ Cas. Monast. Petrihus, V, 32, SS. XX. 674. Exercitus christianorum ignorantia locorum extediatus sine aliquo rerum effectu reversus est.

⁸ Vinc. Prag., 1147, SS. XVII, 663. Ubi etenim Deus non fuit in causa bono fine terminati difficillimum fuit.

⁹ Giesebrecht W. «Geschichte der deutschen Kaiserzeit». Bd. IV, S. 302.

время укрепил уверенность славян в своих силах? Гизебрехт ссылается на то, что поморский князь Ратибор, будто бы напуганный крестовым походом, вынужден был в 1148 г. явиться в Гавельберг на свидание с саксонскими князьями и дать здесь обещание блюсти и распространять христианскую веру. Но приезд Ратибора в Гавельберг осенью 1148 г., последовавший по вызову саксонских князей, можно толковать как раз в обратном смысле: именно не Ратибор был напуган немцами, а немцы были напуганы настроением славян после крестового похода, и это заставило их принять меры к тому, чтобы обезопасить себя от враждебных действий поморского князя¹. Твёрдые начала распространению христианства в Поморье были положены уже Оттоном Бамбергским, и Ратибор, сам получивший крещение от этого епископа, продолжал независимо от результатов крестового похода распространять в своём княжестве новую веру². Поморье никогда позднее не возвращалось к язычеству (по крайней мере формально), и здесь вместе с христианством и христианским духовенством всё более и более утверждалось немецкое влияние.

Альбрехт Медведь, потерпевший неудачу в своих хищнических устремлениях к Пене и Поморью, особенно стал прилагать усилия к тому, чтобы прочно и окончательно утвердиться в долине Гавелы. Гавельберг — столица брижан — был уже в его руках; оставалось захватить столицу гаволян — Бранибор. Когда в 1150 г. умер приверженец немцев князь Прибыслав, Альбрехт Медведь, числившийся наследником умершего, захватил, с помощью его жены, Бранибор и всё Браниборское княжество. Немцы, однако, лишь воровским образом смогли ввести в столицу княжества свой гарнизон, причём жена Прибыслава целых три дня скрывала смерть мужа, чтобы дать немцам возможность это сделать³.

Захват крепости, надо думать, был неожиданным для славян, и, будучи поставлены перед совершившимся фактом, они не смогли оказать сопротивления немецким разбойникам. Альбрехт Медведь немедленно принял меры для упрочения своего положения в городе: он изгнал из него наиболее влиятельных и непримиримых славян и оставил только своих испытанных сторонников⁴. Всё же немцы упрочились в Браниборе не сразу, ввиду ненависти к ним населения. В 1155 г. целый немецкий отряд во главе с приближённым маркграфа — графом Конрадом Плоцковским — попал в засаду и был уничтожен славянами⁵. В том же 1155 г. скрывавшийся в Польше родственник умершего Прибыслава — Ячко — внезапно явился к Бранибору и без сопротивления занял город. Без сомнения, он нашёл поддержку у славянского населения княжества, и даже гарнизон Бранибора, состоявший частью из славян, не стал защищать город. Таким образом, старая славянская крепость на Гавеле снова ушла из немецких рук, а с нею вместе и всё Браниборское княжество, над которым эта крепость господствовала. Альбрехт Медведь никак не мог примириться с этой потерей, грозившей свести на-нет его захваты за Лабой, и употребил все усилия к тому, чтобы снова подчинить Бранибор своей власти. Был организован большой поход на этот город, в котором приняли участие ряд саксонских князей и архиепископ магдебургский Вихман. Большое немецкое войско, разделившись на три отряда, окру-

¹ Таково мнение Наuck'a «Kirchengeschichte Deutschlands», IV, 607. Гаук справедливо подчёркивает, что происходившее в январе 1148 г. свидание саксонских и польских князей с участием архиепископа магдебургского было вызвано стремлением немцев обезопасить свои земли от возможных наступательных действий славян.

² См. об этом у Наuck'a. Op. cit., IV, 588.

³ Heinr. de Antw. u. Giesebrecht'a «Kaiserzeit», IV, 505; ср. Ann. Palid., a. 1150, SS. XVI, 85. Henricus de Brandenburg obuit, cuius heres factus est marchio Adalbertus.

⁴ Heinr. de Antw. Ibidem, p. 506.

⁵ Ann. Palid., a. 1155, SS. XVI, 89.

жило город и после долгой осады принудило его защитников к сдаче¹. Это было в 1157 г., и с тех пор Бранибор уже не уходил из рук немцев. С падением этой крепости активная роль брижан и гаволян в борьбе с немецкой агрессией кончилась, но их восточные и северо-восточные соседи, защищённые дремучими лесами и труднопроходимыми болотами, ещё не скоро подчинились власти немцев.

Как и в завоёванной ранее Вагрии, христианство в долине Гавелы распространялось не путём крещения местных язычников-славян, которые решительно не хотели знать немецкой веры², а путём переселения сюда колонистов из Германии и Нидерландов. В этом деле Альбрехту Медведю усиленно помогали епископы, так как, по словам Гельмольда, с приходом колонистов «множились церкви и возрастало владение десятинами»³. Таким образом, погоня за церковными десятинами была важнейшим стимулом, заставлявшим духовных князей содействовать заселению славянского края выходцами из Нидерландов и Германии. Утверждение влияния немцев на Гавеле приводило к тому, что епископы стали возвращаться в свои давно покинутые епархии: сначала вернулся (уже в конце 40-х годов) епископ гавельбергский, а затем (в начале 60-х годов) и епископ браниборский⁴.

У ободритов, которые после крестового похода сделались, по словам Гельмольда, «хуже прежнего», усилилась власть князя Никлота, продолжавшего, впрочем, признавать верховную власть герцога. Граф голштинский Адольф поспешил восстановить мирные отношения с Никлотом, но прежней близости между ними не было, и Адольф всё время опасался враждебных выступлений своих соседей⁵. Разорённая Никлотом Вагрия терпела голод и нуждалась в экстренной помощи. Граф усиленно помогал голодным и старался выкупить захваченных славянами пленных⁶. Неудачно вмешавшись в усобицы датчан, Адольф навлёк нашествие на Вагрию короля Свена, и она снова подверглась опустошению⁷.

При таких обстоятельствах о распространении среди славян христианства думать не приходилось, и даже в Старграде процветало язычество. Здесь под руководством жреца Мике и происходившего из рода Крутого князя Рохе — «идолопоклонника и великого морского разбойника» — открыто поклонялись богу Прове и совсем не хотели знать христианства⁸. Да и повсеместно в славянской земле, по словам Гельмольда, «приносили жертвы демонам, а не богу» и вместе с тем «производили пиратские набеги на землю данов»⁹. Датчане больше всех испытывали на себе последствия неудачного крестового похода, и на них повседневно обрушивалась «славянская ярость»¹⁰.

Новый гамбургско-бременский архиепископ Гартвиг (с 1148 г.), совсем не имевший епископов-суффраганов, решил восстановить в земле ободритов оставшиеся почти сто лет вакантными епископства — старградское, мекленбургское и ратиборское (рацебургское) и поставил на первую кафедру Вицелина, а на вторую — Эммергарда, пославши их «в землю лишений и голода, где было седалище сатаны и всякого нечистого

¹ Heinr. de Antw. y Giesebrecht'a. Op. cit. IV, p. 506 ...tribus in locis circa, eam copias dividens longotempore propter munitionem loci eam obsedit.

² Helm., I, 88, p. 176 ...multiplicarentur ecclesie et decimarum succresceret ingeds possessio.

³ См. об этом у Наuck'a «Kirchengeschichte», IV. pp. 609—610.

⁴ Helm., I, 66, p. 127.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem, I, 67, p. 129.

⁸ Ibidem, I, 69, p. 138.

⁹ Ibidem, I, 68, p. 133 ...immolabant demoniis et non Deo, et agebant piraticas incursiones in terram Danorum.

¹⁰ Sclavorum furia — выражение Гельмольда, I, 67, p. 128. Cp. furor Sclavorum, I, 66, p. 127; I, 70, p. 139.

духа»¹. На рацебургскую кафедру епископ пока поставлен не был, видимо, за неимением подходящего кандидата.

О деятельности Эммергарда в Мекленбурге ничего не известно, да и едва ли он был там. Что же касается Вицелина, то из-за соперничества Гартвига с Генрихом Львом он не имел поддержки ни от того, ни от другого, не получал даже церковной десятины, захваченной графом Адольфом, и ничего не мог сделать в своей епархии². В Старграде его проповедь не имела никакого успеха, и он поспешил покинуть этот негостеприимный город, распорядившись построить здесь деревянную церковь³.

Получивши после долгих хлопот от графа Адольфа деревню Босове с принадлежавшей к ней Дульчаницей и добившись права получить половину десятины со своей немногочисленной паствы, Вицелин приступил к постройке епископского дома в Босове, а тем временем в большой нужде «проживал под буковым деревом», т. е. под открытым небом⁴. В 1154 г. архиепископ магдебургский поставил, по соглашению с Генрихом Львом, епископа в Рацебурге, и ввиду того, что этот епископ не был ставленником Гартвига, его наделили землями (в размере 300 мансов) и дали ему церковные десятины⁵. Тогда и Вицелин добился обещания такого же дара⁶, но в конце того же 1154 г. умер. Преемник его Герольд хотя и был посвящён по представлению Генриха Льва непосредственно папой, но ему приходилось терпеть ещё большие лишения, нежели Вицелину: последний пользовался поддержкой двух монастырей — в Фальдере (Неймюнстере) и в Кучалине⁷, — новый же епископ должен был довольствоваться доходами со своих скудных земель в Босове, которые в большинстве лежали необработанными⁸.

В начале 1156 г. Герольд посетил Старград, чтобы торжественно встретить здесь праздник богоявления, и сопровождавший своего епископа Гельмольд оставил картинное описание этого путешествия⁹. Город оказался почти пустым, и в нём была лишь небольшая церковь, построенная Вицелином. «Там, — рассказывает Гельмольд, — в жестокий холод, между снежными сугробами, справляли мы богослужение. Слушателей из славян — ни одного, за исключением Прибыслава и ещё нескольких лиц»¹⁰. Это очевидно, были официальные представители славян Вагрии, на обязанности которых лежала встреча епископа. Но и они не были христианами. После богослужения Прибыслав, живший в стороне от Старграда, пригласил епископа с его спутниками к себе и обильно угощал их; в связи с этим Гельмольд отдаёт должное прославленному славянскому гостеприимству¹¹. Пробывши у Прибыслава две ночи и один день, путники, которым, видно, понравилось славянское угощение, отправились ещё к одному знатному славянину — Тессемару. По дороге они видели священную рощу бога земли той — Прове — и воровским образом, «не без

¹ Helm., I, 69, p. 134 ...missique in terram egestatis et famis, ubi erat sedes Sathane et habitatio omnis spiritus immundi.

² Ibidem, p. 134 sqq.

³ Ibidem, p. 138.

⁴ Ibidem, I, 71, p. 141 ...et habitavit sub fago, quousque extruerent casas, in quibus consistere possent.

⁵ Ibidem, I, 77, p. 149.

⁶ Ibidem, p. 150 ...comes noster ...remisit de beneficio duo trecentos mansos... in dotem Aldenburgensis episcopatus

⁷ По сообщению Гельмольда (I, 82, p. 160), монастырь в Фальдере перешёл по смерти Вицелина к гамбургской церкви, так как он не входил в состав старградской епархии; что же касается монастыря в Кучалине, то его братия «считала для себя достаточным предоставление епископу гостеприимства при приезде и при отъезде».

⁸ Ibidem, I, 82, p. 160; Sola domus Bozoe stipendiis episcopalibus deserviebat vacua admodum et inculta.

⁹ Ibidem, I, 82—83, p. 162 sqq.

¹⁰ Ibidem, I, 82, p. 162 ...Illic in asperrimo frigore inter cumulos nivis officium peregrimus. Auditores de Sclavis preter Pribizlaum et paucos admodum.

¹¹ Ibidem ...nulla gens honestior Sclavis in hospitatis gratia.

страха подвергнуться нападению жителей», разрушили изгородь вокруг священных деревьев, которую сложили в костёр и подожгли, чтобы сжечь эти деревья¹. У Тессемара гости были встречены с большим почётом, но «не сладки были нам,—говорит Гельмольд,—славянские кушанья, так как мы видели оковы и разные орудия пыток, каким подвергали христиан, вывезенных из Дании. Видели мы там священников господних, измученных долгим пленением, и им епископ не мог помочь ни силой, ни увещеваниями»².

Приведённый рассказ Гельмольда как нельзя лучше иллюстрирует полный провал христианской миссии даже у приморских вагров, которым, собственно, немцы оставили лишь тень самостоятельности. Епископ находится в старинном центре своей епархии лишь одну жалкую церковь и в торжественный христианский праздник оглавляет богослужение в убогой обстановке, при отсутствии молящихся. Проезжая по славянской земле, он не смеет открыто выступить против языческих святынь и лишь украдкой ломает священную изгородь и пытается поджечь несколько священных деревьев, опасаясь возмездия за свою выходку. Принимая угощение от знатного язычника, он не может ни угрозами, ни просьбами добиться от него освобождения из плена или хотя бы улучшения участи даже христианских священников.

В ближайший воскресный день, продолжает своё повествование Гельмольд, епископ собрал народ в Любеке и стал увещавать его, чтобы, «покинувши идолов, почитали единого бога» и, принявши крещение, «отказались от злых деяний», именно грабежей и кровавых расправ с христианами³. Проповедь осталась безрезультатной, так как славяне указывали на грабительские поборы со стороны герцога и голштинского графа, мешавшие им даже и думать о христианстве⁴. Вскоре после того сам герцог имел свидание со славянскими князьями и по просьбе епископа выступил в несвойственной ему роли проповедника христианства. По общению Гельмольда, на увещание графа отвечал Никлот, который сказал: «Пусть бог, который на небе, будет твоим богом, а ты будь нашим богом, и с нас этого довольно. Ты почитай его, а мы будем почитать тебя»⁵. Этими словами, которые у Гельмольда звучат как выражение раболепия, Никлот в действительности хотел сказать, что для славян довольно и одного государя (герцога) и что не надо им ещё другого, небесного: двое будут им слишком дорого стоить.

В выступлении Никлота была, таким образом, скрытая ирония, намёк на хищничество герцога, но последний не понял этой иронии и сделал ободрительному князю замечание за богохульство. Впрочем, Генрих Лев серьёзно не думал об обращении славян: по словам Гельмольда, он никогда не помышлял о христианстве, а «только о деньгах»⁶.

В роли миссионера немецкий хищник выступал только для формы, в действительности же у него не было никакого желания помогать епископу; ведь помогать — это значило поступаться своими доходами, а герцог, вернувшийся незадолго перед тем из Италии и затративший большие суммы на итальянский поход, думал только о том, как бы покрыть

¹ Helm., I, 82, p. 164.

² Ibidem, I, 83, p. 164. Nec tamen ...iocunda nobis fuerunt, Sclavorum pocula eo quod videremus compedes et diversa tormentorum genera, que inferebantur christicolis de Dania advectis. Aspeximus illic sacerdotes Domini captivitate diuturna deteptione maceratos, quibus episcopus nec vi nec prece subvenire poterat.

³ Ibidem, I, 83, p. 164 ...ut relictis ydolis colerent unum Deum, et percepta baptismatis gratia, renunciarent operibus malignis, predis scilicet et interfectionibus christianorum.

⁴ Ibidem, p. 164—165.

⁵ Ibidem, p. 165. Sit Deus, qui in celis est, Deus tuus, esto tu Deus noster, et sufficit nobis. Excole tu illum porro nos te excolemus.

⁶ Ibidem, I, 68, p. 133. In variis ...expeditionibus ...nulla de christianitate fuit mentio sed tantum de pecunia.

эти затраты, и потому «весь был предан стяжанию»¹. Епископ целый год вынужден был толкаться при дворе герцога, пока не выпросил у него пожалования в Вагрии 300 мансов, которые были обещаны ещё Вицелину. Однако граф Адольф, которому предписано было отвести эти мансы, обманул епископа и отвёл ему втрое меньше, притом данные земли были неудобны для обработки. Новое распоряжение герцога мало помогло делу, и Гельмольд, писавший свою «Славянскую хронику» около 1170 г., говорит, что следуемые епископу земли не получены полностью «даже до сего дня»². Герольд стал жить в Зигиберге, куда перенёс монастырь из Кучалины, а в Старград послал для проповеди христианства одного из своих священников — Брунона. Гельмольд сообщает, что этот последний имел при себе «проповеди, написанные по-славянски», которые он и произносил с успехом перед народом³. Сомнительно, однако, чтобы эти проповеди, произносимые человеком, не знавшим славянского языка, имели действительный успех. По всей вероятности, славянская речь в устах чуждого ей человека звучала довольно странно и могла вызвать со стороны славян только насмешку. Во всяком случае, никаких результатов Брунон своими проповедями среди славян Старграда не добился. Не мог добиться он ощутительных результатов и другими, более решительными своими действиями: сожжением священных языческих рош и насильственным искоренением языческих обрядов⁴. Ввиду безнадёжности дела обращения в христианство местных язычников-славян, решено было привлечь в Старград христиан со стороны. Так возникла здесь саксонская колония и при ней церковь⁵. И в других местностях славянской Вагрии постепенное внедрение христианства происходило, по Гельмольду, не путём обращения местных славян, а путём привлечения сюда новых поселенцев из Саксонии⁶. Все приведённые факты говорят о том, насколько крестовый поход 1147 г., проводившийся во имя обращения славян в христианство, в действительности навредил этому делу.

В княжестве Никлота после похода не могло быть и речи о христианстве, и выше уже было сказано, что назначенный в Мекленбург епископ едва ли даже осмелился показаться в своей епархии. Гельмольд, интересуясь главным образом Вагрией, очень мало говорит о деятельности Никлота после его мирного договора с крестоносцами в 1147 году. Из одного случайного известия Гельмольда мы узнаём, что Никлот подвергся заключению в Люнебурге и что лишь вооружённое выступление его сыновей избавило ободритского князя от этого плена⁷. Когда и как Никлот попал в плен к немцам Люнебурга, мы совершенно не знаем. Вернее думать, что это было после похода 1147 г., так как до похода выступление сыновей Никлота едва ли запугало бы немцев и заставило бы их пойти на уступки. Может быть, немцы в окружении Генриха Льва просто решили разделаться с самым опасным для них человеком за Лабой и схватили его в одну из его поездок в Саксонию под предлогом того, что он не выполнял условий мирного договора. И лишь когда этот

¹ Helm, I, 83, p. 165 ...dux noster nuper Italia rediens, totus questui deditus esset.

² Ibidem, p. 166. Non per ducem aut episcopum requiri potuerunt usque in Ro-diernum diem.

³ Ibidem, I, 68, p. 168.

⁴ Ibidem, p. 167 ...Succidens lucos et destruens ritus sacrilegos Гельмольд сообщает (ibidem, p. 168—169), что у славян Вагрии продолжали процветать пиратство и кровавые мучения пленников-христиан, до распятия их на кресте включительно.

⁵ Ibidem, I, 83, p. 168.

⁶ Ibidem, p. 169.

⁷ По сообщению Гельмольда (II, 2, p. 194), сын Никлота Вартислов, будучи в заключении в Брауншвейге, просил брата о помощи и при этом напоминал, как они в своё время добились освобождения отца из заключения в Люнебурге: Non recogitas, quod pater noster Niclotus, cum Luneburg teneretur in custodia, nequeprece, neque pecunia redimi potuit. Postquam autem ...corripuimus arma et fecimus incendia et exterminia urbium, nonne dimissus est? Трудно думать, чтобы Гельмольд смешал этот факт (как полагают некоторые) с заключением Никлота в Шлезвиге Канутом (Helm, I, 49, p. 102).

поступок вызвал вторжение славян, немцы не решились пойти на новую войну с ними и отпустили князя.

Из сообщений Гельмольда далее видно, что Никлот подчинил своей власти не только ободритов, но и соседние племена лютичей — хижан и черзепяня¹. Опять-таки, когда и как это произошло, неизвестно. Нет сомнения, что уже крестовый поход должен был вызвать сплочение приморских лютичей с ободритами, тем более что эти лютичи уже раньше входили в государства Готшалка, Крутого и Генриха. Возможно, что вскоре после похода это сплочение было оформлено подчинением всех полабских славян от границ Вагрии до Одры главному вождю в борьбе с немецкой агрессией — Никлоту, которому, таким образом, удалось восстановить старое государство ободритов в его прежних границах (за вычетом Вагрии и Полабии, захваченных немцами). Но, как и раньше, это объединение, вызванное временными обстоятельствами, было нетвёрдым, и через некоторое время хижане с черзепянями отказались подчиняться Никлоту и платить установленные дани ему и немцам². Тогда Никлот решился на такие меры, которых меньше всего от него можно было ожидать: не будучи в состоянии привести лютичей к подчинению собственными силами, он обратился за помощью к немцам. Явившись в Люнебург к жене Генриха Льва, правившей в его отсутствие Саксонией с помощью графа голштинского Адольфа, Никлот принёс здесь жалобу на лютичей, которых выставил мятежниками против немцев, и просил помощи, чтобы привести их к покорности. О том, что произошло в дальнейшем, очень выразительно рассказано Гельмольдом. Мы читаем у него следующее: «И назначено было графу Адольфу с гользатами и стурмарами помочь Никлоту обуздать упорство мятежников, и отправился граф, имея с собою более двух тысяч избранных воинов. Никлот тоже собрал войско из ободритов, и пошли оба в землю хижан и черзепяня и, напавши на (эту) вражескую землю, опустошили всё огнём и мечом. Прославленное святилище с идолами и всякими знаками суеверия разорили. Местные жители, видя, что нет у них сил сопротивляться, выкупили себя огромными деньгами, а неуплаченные дани внесли с излишком. Тогда упоённый победою Никлот много благодарил графа и при возвращении проводил его до края границ своих, проявляя самое тщательное попечение о его войске. С того дня укрепилась дружба графа с Никлотом и они чаще стали иметь совещания в Любеке для общей пользы»³.

Таким образом, мы видим, что Никлот, в сущности, вступил на тот же самый путь, по которому шёл в своё время Генрих, путь принуждения славян к покорности с помощью немцев. Он не сумел договориться с родственными славянскими племенами, чтобы своими силами разрешить внутренние славянские споры, и не нашёл ничего лучшего, как призвать против непокорных лютичей немцев. В данном случае Никлот выступает не как призванный вождь славян, защитник их интересов, а как ставленник немцев, собиратель дани в их пользу. Неплатёж этих даней лютичами он выставляет прежде всего как бунт против немцев, который и подавляет с их помощью, не щадя славянской земли и разоряя славянские святыни.

Очень показательное сообщение Гельмольда о том, что после похода на лютичей Никлот теснее сблизился с немцами: очевидно, его политика пошла теперь именно в сторону укрепления союза с графом Адольфом, в котором он видел самую надёжную гарантию целостности своего государства. Это была роковая политическая ошибка, которая в значительной мере свела на-нет результаты успешной обороны от немцев и означала полное крушение попытки объединения северных полабских племён в самостоятельное славянское государство. Хижане и черзепяне, не имев-

¹ Helm., I, 71, p. 140—141.

² Ibidem, p. 140—141 ...Kicini et Circipani paulatim rebellare ceperint et obniti tributis iuxta morem persolvendis.

³ Ibidem, p. 170.

шие твёрдых естественных границ с ободритами и не только этнографически, но и географически составлявшие одно целое с ними, на протяжении столетия упорно противятся включению их в ободритский союз, всеми силами отстаивая свою независимость. Очевидно, всё время отсутствуют предпосылки для их тесного слияния с ободритами, и здесь дело не в одном только старом родовом и племенном сепаратизме, общем для всех полабских славян, а ещё в каких-то особенностях их общественной жизни. Обладая значительным морским флотом, хижане и черезпеняне, без сомнения, занимались не только разбоями у берегов Дании, но и торговлей с соседними народами, обслуживая, между прочим, вместе с рюанами сношения южных прибалтийских стран с более северными. Повидимому, они торговали, между прочим, и с Русью; по крайней мере мы имеем основание предполагать, что русские купцы бывали в соседнем Шетине¹. Достоверно известно, что ещё в XI в. они посещали Волинь². Связанная с грабежами торговля приморских лютичей была источником накопления у них значительных средств, о которых дают некоторое представление известия Гельмольда об огромных денежных суммах, неоднократно выплачиваемых ими в качестве военной контрибуции³. Богатство лютицких славян за Пеной утверждало их независимость, и не даром в своё время они оторвались от союза четырёх племён, возглавляемого ратарями с их святилищем бога Сваротича в Ретре, причём у них вырос собственный религиозный центр в виде святилища какого-то бога, местоположение которого в точности неизвестно (может быть, в главном городе хижан — Хичине). Освободив себя от опеки ратарей с их жречеством Ретры, хижане и черезпеняне лишь насильственно и временно вовлекались в состав ободритского государства при Готшалке и Генрихе, каждый раз возвращая себе независимость. Только временно они могли подчиниться и Никлоту, принявши на себя все обязательства его государства по отношению к немцам. Однако вскоре они стали тяготиться этими обязательствами, и так как немцы непосредственно им не грозили, они отказались платить дани герцогу и Никлоту и вышли из состава его государства. Никлоту можно было договориться с лютичами, лишь отказавшись от подчинения немцам и провозгласивши полную самостоятельность славянского государства за Лабой, как это было при Крутом, но он на такой шаг не решился и вступил на путь принудительного подчинения хижан и черезпенян себе и саксонскому герцогу. А так как для подчинения этих сильных лютицких племён собственных сил ободритских князей никогда не хватало, Никлот обратился к содействию немцев, как это делал в своё время Генрих, причём ободритский князь разгромил совместно с немцами религиозный центр хижан и черезпенян как символ их независимости.

Вовлечение немцев во внутренние распри славянских племён привело, конечно, к ещё большему отчуждению лютичей от ободритского князя, и хотя он «упивался победою», но эта победа, в сущности, знаменовала собой крушение его деятельности как борца за славянскую свободу и независимость. В действительности Никлот не объединил, а ещё более разделил силы полабских славян, и это произошло в то время, когда на них надвигалась новая волна немецкой агрессии. И хотя в борьбе с этой агрессией Никлот ещё раз показал своё геройство, защищая славянство, однако он не мог противопоставить сплочённой силе немецких разбойни-

¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 145. СПб. 1879; в летописном известии 1165 г. значится. «Поставиша церковь святая Троица Шетиницы» Последний термин толкуют как «шетиницы», т. е. в смысле указания на новгородских купцов, торговавших с Шетином. Ср. Тихомиров М. «О купеческих и ремесленных объединениях в древней Руси». «Вопросы истории» № 1 за 1945 год.

² См. Ad. Br. II, 19. *Nobilissima civitas Tumne celeberrimam praestat stationem barbaris et Graecis...* Под последними, несомненно, подразумеваются русские.

³ Helm., I, 21, p. 48: I, 71, p. 140.

ков равную силу объединённых славян и погиб в неравной борьбе, а вместе с ним окончательно погибла и идея славянской независимости за Лабой.

Подведём итоги всему, что сказано о крестовом походе 1147 г. и его последствиях для славянства. Крестовый поход потерпел неудачу благодаря героическому сопротивлению славян. Опираясь на это сопротивление, славянские вожди, возглавляемые Никлотом, сумели мастерски организовать оборону славянской земли от вторгшихся в неё немецких хищников. Нашествие немцев ещё более усилило вражду к ним за Лабой, ярким выражением чего явилось полное нежелание славян принимать христианство. Крестовый поход привёл к тому, что немецкое влияние и христианство могли утвердиться у полабских славян только при условии переселения сюда немецких колонистов. Политическая раздробленность славян, обусловленная всем своеобразием их общественной жизни, не дала им возможности воспользоваться выгодной ситуацией, сложившейся после крестового похода, и утвердить свою самобытность. В частности тот человек, от которого больше всего можно было бы ожидать руководства в образовании единого фронта славян против немцев, — Никлот — оказался не в состоянии это сделать и, вернувшись к старой политике Генриха, искал опоры своей власти в помощи немцев. Восстановленное им большое ободритское государство попрежнему не имело внутренней спайки и держалось на внешнем принуждении. Естественно, что оно не могло выдержать нового столкновения с немецкими полчищами и погибло во время немецкого нашествия 1160 года.